

18+

КИРИЛЛ КАПИЦА

ПЛОХОЙ ХОРОШИЙ МЕНТ.

Кирилл Капица

Плохой хороший мент

«Издательские решения»

Капица К.

Плохой хороший мент / К. Капица — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Роман о приключениях Сергея Дергачева, прошедшего путь от бойца спецназа до начальника дорожной полиции Ульяновской и Ростовской областей. Его пытались убить, его пытались засудить, но он всегда оставался победителем. В романе также присутствуют любовная и детективная линия.

© Капица К.

© Издательские решения

Содержание

Кирилл Капица	6
Пролог	7
Глава первая. «Хороший мент»	11
Глава вторая. «Отрочество»	14
Глава третья. «Курсант»	24
Глава четвертая. «Первый бой»	29
Глава пятая. «Выживший»	34
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Плохой хороший мент

Кирилл Капица

© Кирилл Капица, 2026

ISBN 978-5-0071-3357-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

9,17 авторских листов

Кирилл Капица

«Плохой хороший мент»

роман

«Добра и зла не различимы грани
В густом лесу, в гнилом тумане...»
Уильям Шекспир.

Основано на реальных событиях, поэтому все совпадения далеко не случайны.

Пролог

Г. Ростов-на-Дону. Осень 2015 года.

«Скорая помощь» неслась по ярко освещенному Буденновскому проспекту Ростова-на-Дону с включенными кроваво-синими проблесковыми маячками, превращая его в калейдоскоп напряжения и тревоги. Сирена выла, перекрывая шум города, словно предвестник катастрофы, несущийся на всех порах. Скорость, превышающая 130 километров в час, была не проявлением лихачества, а отчаянной борьбой с неумолимым хронометром. Каждое пересечение, каждый светофор, каждая случайная машина становилась потенциальным врагом, способным украсть драгоценные удары сердца. Микрик проскакивал пересечения дорог без остановок, благодаря тому, что все перекрестки на пути следования были заблокированы инспекторами дорожно-патрульной службы. Их присутствие было не просто формальностью — это была живая, дышащая цепь, обеспечивающая зеленую волну там, где секунда промедления могла стать фатальной.

В конце проспекта на регулируемом пешеходном переходе уже больше минуты горел красный сигнал. У перехода, похожего на остров среди моря раздражения, запечатлелась четверка людей, чьи взгляды отражали диаметрально противоположные мнения о происходящем перекрытии магистрали. Старушка, чья спина, казалось, несла на себе тяжесть всех прожитых лет, качала головой, ее огромная сумка на колесиках выглядела как якорь, привязывающий ее к асфальту

— Начальство поехало домой, стой и жди, — возмущалась она хрипловатым голосом, который был полон привычной, вековой горечи в адрес тех, кто, по ее мнению, имел право нарушать правила. Для нее этот форс-мажор был лишь очередным проявлением элитарности.

Рядом с ней стоял пожилой мужчина. Его одежда — полуботинки, спортивные штаны, майка и потертый пиджак, была алогичным, но, видимо, комфортным набором для ростовского вечера. Он, вытирая пот с лица клетчатым, будто лоскутным, платком, подхватил тему, но придал ей окраску старого, вываренного в жизни цинизма.

— Да нет, это чиновникам в чемоданах зарплату на дом везут.

Его шутка была не новой, но прозвучала с хрипловатой убежденностью. В его мире все народные проблемы сводились к распределению благ и лени чиновников.

Тут же, будто воплощение новой, протестной эпохи, вклинился длинноволосый парень. Его футболка с портретом Че Гевары, рваные джинсы и скейтборд под мышкой говорили о принадлежности к культуре, которая презирает формальности. Он посмотрел на старика с легкой снисходительностью, свойственной молодости, уверенной в своей правоте.

— Да не говорите глупости. Зарплату им сразу на заграничные счета перечисляют, — бросил он, отмахиваясь от банальности предыдущей версии.

Девушка с колечком в носу, которая стояла рядом с парнем, одетая в красную мини-юбку, сетчатые зеленые колготки и белые кроссовки, чья яркость казалась вызовом серому асфальту, была воплощением импульса. Услышав реплику парня, она рассмеялась — звонко и искренне, и тут же, не замедляя своего короткого танца эмоций, прижалась к нему и легко поцеловала в губы, запечатлевая момент своего согласия и близости.

Для этой четверки — старушки, пожилого мужчины и влюбленной пары — мир сузился до трафика, до неудобства, до повода для сплетен и пересудов. Их тревога была бытовой, связанной с опозданием на электричку или зря потраченным временем. Никто из них и предположить не мог, что в данной ситуации перекрытие дорог имело реально большое значение — выживет человек или нет.

Счет шёл буквально на секунды. Реанимационная бригада вела бой, который нельзя было выиграть, если бы они остановились на красный свет. Врач, имени которого никто не запомнит, наклонился над носилками, фиксируя ситуацию. Его руки работали с точностью хирурга и скоростью автомеханика, латающего пробойину в корпусе судна, пока оно еще на плаву. Фельдшер, уминаясь на жестком полу, придерживал инфузомат, следя за тем, чтобы капельница не сбилась от бешеной тряски. Каждый перекресток, освобожденный инспекторами дорожно-постовой службы, был для них выигранным циклом действия введенных препаратов.

Примерно через двадцать минут группа медицинских работников быстро везла каталку по больничному коридору. На ней лежал раненный мужчина, он был весь в крови и без сознания. Каталку с мужчиной вкатили в операционную и на счет «три» его переложили на операционный стол. Анестезиолог Татьяна, симпатичная женщина, лет 30-ти, в синей медицинской одежде с короткими рукавами и с цветными татуировками на руках, тут же ввела ему иглу в вену и хотела по привычке попросить пациента начинать считать, но вспомнила, что мужчина без сознания и промолчала, введя ему дозу снотворного. А через несколько секунд давление упало до минимума, по экрану поползла ровная линия и аппарат издал неприятный звук, не предвещающий ничего хорошего. Это означало, что наступила клиническая смерть — то есть сердце остановилось, но остальные органы в меру своих сил пока продолжали функционировать. Врачи начали производить реанимационные действия. Хирург аккуратно просунул в рот трубку для подачи кислорода. Медсестра подкатила каталку с дефибриллятором и к телу мужчины ассистент прислонил пластины, подающие электрические разряды.

— Разряд, — негромко сказал хирург, но в тишине операционной его команда прозвучала, как крик.

Медсестра тут же повернула тумблер. Тело мужчины вздрогнуло и выгнулось дугой. На экране линия дрогнула.

— Разряд, — повторил хирург.

Только после четвертого электрического удара пульс снова забился. Мужчина на секунду открыл глаза и тут же зажмурился от яркого света операционной лампы. Сергей Дергачев второй раз в своей жизни пережил клиническую смерть. Пока его сердце не билось, мозг продолжал работать. Сергей не увидел ни малейшего намека на обещанный метафизикой свет в конце туннеля, не встретил ни сияющих крылатых проводников, ни демонических искусителей. Его личное небытие, длившееся, по подсчетам ассистента, менее шестидесяти секунд, оказалось стремительным, жестоким, но до боли своим. Это был не отрезок пути в иное измерение, а внезапный, лихорадочный просмотр самого себя — архив, прокрученный на бешеной скорости, минувшая цензура сознания.

Первым, что обожгло сетчатку, была не боль, а плотный, влажный воздух Кавказских гор. Он увидел себя — девятнадцатилетнего, обтянутого грязным, помятым, но гордым камуфляжем. Курсантские погоны, знаки молодости, еще не осознавшей цены, которую придется заплатить за честь носить их. Он лежал. Боль была острой, невыносимой, но удивительно ясной. Ранения в живот и грудь. Крики, запахи гари и пота. Он увидел, как его, с трудом, перекладывают на носилки. Последнее, что зафиксировал его бодрствующий мозг в том цикле — резкий толчок в машине, и внезапная, абсолютная тишина. Остановка сердца. Затем резкий, шокирующий рывок. Не теплое объятие забвения, а ледяной удар реальности. Молодой врач, чье лицо он не смог разглядеть, судорожно, с фанатичной решительностью, вонзил что-то острое прямо в центр его груди. И вот он снова дышит. Вдох, рвущий легкие, наполненный запахом бензина и пыли.

Картинка сменилась. Пейзаж стал иным — мирная, но напряженная улица родного села. Сергей с застывшей в глазах тревогой. Драка из-за девушки. Кровь на его губах. Во главе противника — Руслан. Сосед, соперник, вечный антагонист их с Юлей общего мира. Юля стоит

под солнцем, тонкая, как тростинка, в летнем платье, ее крик — беззвучная интерференция в этом хаосе. Она пытается остановить схватку, но ее отталкивают, словно пушинку. Образ меркнет, превращаясь в акварельное пятно.

Следующий кадр залил его белым дневным светом. Юля, совершенно невыносимо красивая в полупрозрачном, фатальном белом платье. Толпа вокруг них, их лица лишены черт, но Сергей чувствует, осязает их беззвучную, застывшую в предвкушении мольбу: «Горько!». Жених целует ее. И это не Сергей. Чужое лицо, чужой триумф. Резко темнеет.

Черное небо разрывает молния. Ливень обрушивается на мир, смывая фальшивую радость. Снова горы. Снова камуфляж. Отряд курсантов бежит по размытой горной дороге. Грохот сапог по грязной воде. Напряженные, молодые лица. И только он, Сергей, улыбается. Скрывая что-то глубокое, какую-то надломленную надежду. Очередная вспышка молнии.

На блок-посту у горной дороги стоят несколько курсантов. Внезапно — грохот, крики, дым. Террористы из подъехавшего микроавтобуса открывают огонь. Двое курсантов падают, разбрызгивая кровь, их падение кажется неестественно долгим. Раненый Сергей, ведомый инстинктом, а не приказом, бросается по склону в погоню и стреляет вслед из автомата. Микроавтобус, потеряв управление, срывается с дороги, кувыркаясь. Сергей видит, как из покореженного металла он выдергивает девушку, ее кровь смешивается с его собственной. Вспышка. Взрыв. Опять темнота.

Светлеет. Белое, стерильное пространство госпиталя. Красивая медсестра. Светлые волосы, усталые, но добрые глаза. Она склоняется над ним, и ее улыбка — первая искренняя радость в этом вихре — едва касается его глаз.

Резкий, болезненный скачок. Медсестра лежит на полу. Лужа крови вокруг ее головы. Она из последних сил что-то шепчет. Сергей хватает ее на руки и несет по коридору. Его руки, теперь почему-то сильные, прижимают ее мертвое тело. Из горла вырывается беззвучный крик, который, кажется, должен был бы сотрясти коридор больницы, но не делает этого.

Смена декораций. Снова горы, разбитая проселочная дорога. Сергей выпрыгивает из грузовика, охваченного пламенем. Огненный шар летит под откос, сотрясая землю.

Солнечный свет заливает идеальный строй на плацу военного училища. Генерал вручает Сергею медаль. Горячие, искренние аплодисменты курсантов. Ощущение заслуженного покоя, которое тут же аннулируется следующей сценой.

Южный город. Теплый вечер. Люди гуляют по аллее, вдыхая ароматы цветущих деревьев. А он, Сергей, дерется с террористом на парковке возле Универмага. Жестоко, быстро — удары, хруст, крик боли. Вспышка света, ослепляющая.

Проселочная дорога, вокруг зеленка. Сергей выпрыгивает из машины и бежит через лес, выскакивая на шоссе. Он стреляет по быстро едущему джипу, целясь в колесо. Взрыв резины. Автомобиль улетает в кювет. Внутри женщина без сознания. Ее окровавленная голова уткнулась в руль.

На берегах Волги огромные пробки, за ними виднеется зарево пожара, по пустому Президентскому мосту едет полицейский автомобиль. За рулем Сергей. Черный дым заволакивает небо.

И снова темнота, мрак переулка. Четверо с битами приближаются к Сергею. Окружают его и нападают. Он пытается сопротивляться. Удар по голове, второй, третий. Мир гаснет.

— Давление в норме, — раздался взволнованный голос ассистента.

В стерильной тишине операционной, нарушаемой лишь мерным писком мониторов, эта фраза была подобна первой ноте долгожданной симфонии. Хирург улыбнулся и подмигнул анестезиологу. Она выдохнула воздух и улыбнулась в ответ. Потом раздалась беззвучная аплодисменты. Медработники поздравляли друг друга с первой победой в только что начавшейся схватке. Но хлопков не было слышно — мешали резиновые перчатки.

— Не расслабляться, — неожиданно строгим голосом сказал хирург, — анестезию, начинаем операцию!

Глава первая. «Хороший мент»

Ростовская область. Поселок «Прибрежный». Май, 2016 год.

Из-за деревьев у поворота с шоссе на областную дорогу показался бежевый микроавтобус «Мерседес» с надписью на боковой двери: «Телевидение». Он въехал в поселок городского типа, подняв тучу пыли — дождя не было уже больше двух месяцев. Поселок назывался «Прибрежный», потому что он располагался на берегу Дона, точнее говоря на двух берегах и был связан 400-метровым мостом. У берегов, привязанные к кольшкам, покачивались старые лодки, а посередине реки виднелись силуэты рыбаков, неподвижно замерших с удочками в руках. Дон лениво нес свои воды, отражая в мутной глади серо-белые облака. Здесь время, казалось, остановилось окончательно.

Поселок встретил телевизионщиков сонной тишиной. Лишь редкие прохожие, прикрывая лица от пыли, бросали мимолетные взгляды на проезжающий мимо незнакомый транспорт. Переехав мост, микроавтобус свернул на центральную улицу, ведущую вглубь поселка. Он проехал по ней, свернул в маленькую улочку и остановился у довольно скромного на вид двухэтажного кирпичного дома.

Дверь поползла в сторону и открылась, из микроавтобуса, не торопясь, вышла красивая женщина со светлыми короткими волосами, лет 35-37-ми. Она была одета в серое короткое платье и бежевые босоножки. Если бы кто-то из местных жителей, проходил бы в этот момент мимо, то наверняка узнал бы популярную телеведущую Яну Звереву. Но рядом никого не было, и она, никого не стесняясь, приподняла подол и несколько раз встряхнула низ платья, потом попрыгала и покрутила шеей, восстанавливая кровообращение. Только что они без остановки проехали около пятидесяти километров. За Яной из автобуса вылез спортивного вида мужчина, лет 30-ти, с бородой и зачесанными назад длинными черными волосами с легкой сединой — оператор Денис. Он пару раз присел и сделал несколько махов руками, потом вынул из микроавтобуса кофр, в котором хранилась видеокамера, и повесил его на плечо. Они огляделись, вдыхая затхлый запах реки и пыли. Кажется, здесь ничего не происходило десятилетиями. Интересно, что они надеялись здесь найти? Сенсацию? Репортаж о вымирающей провинции?

Яна прошла несколько шагов и остановилась напротив ворот. Денис подошел к ней. Несколько секунд они молча стояли рядом и смотрели на дом — обычный двухэтажный кирпичный дом, окруженный скромным, но ухоженным фруктовым садом. Ни помпезности, ни вычурности, лишь аккуратные клумбы и газон, подстриженный с маниакальной точностью, а вокруг дома множество самых разнообразных фруктовых деревьев. Даже забор с воротами и калиткой был обычным деревянным, аккуратно покрашенный зеленой краской, а не какая-нибудь кованая решетка с золотыми вензелями и фамильным гербом на медных воротах.

Денис перевел взгляд на Яну.

— О чём задумалась, Яночка? — спросил он.

— Что-то не похоже на дом главного гаишника Ростовской области, — через десятисекундную паузу ответила Яна.

— А, понятно. Но он бывший начальник ГИБДД, — поправил ее оператор.

— Вот именно — бывший. Подозреваю, что из-за этого его и выгнали с должности. Слишком скромный. Или принципиальный. Дом его предшественника больше напоминал виллу султана Брунея.

— Ну да, судя по антуражу, вряд ли внутри у него тут золотые унитазы и мебель из векового кедра.

— Да. Поэтому моя основная задача разобраться, что это за человек. Так сказать, копнуть поглубже.

— Понятно. Дойти до самой сути. В работе, в поиске пути, в сердечной смуте. Ну это ты умеешь, я в тебе не сомневаюсь.

— Спасибо, Денис. Зато я сомневаюсь, — тихо сказала Яна, делая смущенный вид.

Денис кивнул, перехватывая поудобнее кофр с камерой. Он всегда восхищался умением Яны перевоплощаться, чтобы понравится интервьюеру. Сегодня она играла роль наивной провинциалки, очарованной скромностью чиновника. Интересно, сработает ли это с бывшим начальником ГИБДД?

Они подошли к калитке, и Яна нажала на кнопку звонка.

Через несколько секунд из дома вышел хозяин дома Сергей Дергачев, крепкий мужчина средних лет, с усталым, но приветливым лицом, на котором виднелись несколько шрамов, которые реально придавали ему мужественности и совсем не портили привлекательности. Он, слегка хромя, подошел к калитке, и не спеша открыл её. Яна сразу определила, что это лицо волевого, много повидавшего человека. Сергей вышел на дорогу и подошел к телевизионщикам. Одет он был в простую клетчатую рубашку и домашние брюки, на ногах сандалии. Совсем не похож на коррумпированного чиновника, каким его обычно изображали в некоторых СМИ. Они поздоровались. Яна представилась и представила оператора. Сергей и Денис пожали друг другу руки.

— Заходите. Добро пожаловать к нашему шалашу. Чай, кофе? — спросил Сергей.

— Давайте начнем, а чайку выпьем в перерыве, — ответила Яна.

— Как скажете, — Сергей пожал плечами.

Яна подошла к открытому микроавтобусу и взяла с сидения сумку и микрофон.

Через минуту Яна шла за Сергеем по саду и вертела головой — сад утопал в зелени, вокруг было многообразие фруктовых деревьев. Плодов еще не было, только цветочки, но Яна узнала черешню, персик и грушу. За домом стояла красивая резная беседка. Посередине ее стоял стол, на котором огромная тарелка с клубникой занимала немало места.

— Добро пожаловать в мой маленький рай. Угощайтесь, — Сергей показал рукой на клубнику, — только с огорода, сами выращиваем.

Яна и Денис взяли по ягоде и тут же съели. Клубника была сладкой и сочной, словно пропитанной солнцем. Яна села в плетеное кресло и начала настраивать микрофон. Уже через пять минут Денис включил камеру, и съемка началась.

— Сегодня главный герой нашей передачи «Герой без галстука» бывший начальник Управления ГИБДД Ульяновской и Ростовской областей Сергей Владимирович Дергачев, — начала Яна. — Сергей, зрители много про вас знают, так как вы, будучи начальником дорожной полиции, часто давали интервью различным изданиям и телеканалам. Но в этой передаче мы хотели бы пробежаться по всем основным событиям вашей жизни. Ну и, так сказать, подвести промежуточный итог. В юности вы служили в спецназе МВД. Расскажите нам, почему вы выбрали профессию сотрудника силовых ведомств? Ведь, насколько я знаю, после школы вы поступили в сельскохозяйственную академию.

Сергей сидел прямо и смотрел на Яну. Она отметила, что у него правильные пропорции и нет ни грамма лишнего веса. Яна почти всю жизнь сидела на диетах и по два часа каждый день занималась спортом. Она разбиралась в людях, имеющих характер и умеющих держать форму. Сергей заговорил ровным голосом:

— Я вырос в селе. Отец работал ветеринаром на зооферме, мать учителем в сельской школе. Отец мечтал, чтобы я продолжил его дело. Моим самым близким другом был конь Буран. Сельская жизнь текла размеренно. Утро начиналось с крика петухов и аромата свежего хлеба из материнской печи. После школы я мчался к Бурану, мы убегали в поля, где ветер трепал гриву коня, а впереди простирались бескрайние горизонты и любимая Волга. Тогда казалось, что весь мир у моих ног. Впрочем, почему казалось? Так оно и было.

А вот брат после армии домой вернулся не сразу. Он остался служить в Ставрополе в спецназе МВД и прослужил там три года, до ранения. Ранение брата стало громом среди ясного неба. Страх поселился тогда в нашем доме, и детство вдруг закончилось.

Глава вторая. «Отрочество»

Ульяновская область. Село «Завидное». 24 года назад.

Копыта коня глухо врезались в землю, звук этот, ровный и сильный, казался единственно верным ритмом для этого утра. Всадник лихо скакал на фоне, который любой художник счел бы идеальным образцом русского пейзажа. Солнце, уже достаточно высоко поднявшееся над горизонтом, заливало золотом кроны вековых дубов и ясеней, а воздух был напоен ароматом прогретой хвои и влажной земли. Сергей чувствовал, как ветер, этот неутомимый спутник всех быстрых движений, с силой хлещет по лицу и развивает его темные, непослушные волосы. Ему было всего семнадцать лет, и в эти моменты, оседлав своего вороного жеребца по кличке Буран, он чувствовал себя не просто юношей, а властелином этого мира. Одежда была минимальной, соответствующей раннему летнему зною: старая, выцветшая майка, давно потерявшая первоначальный цвет, и потертые джинсовые шорты. Ничто не сковывало его движений, ничто не мешало ему слиться с дикой, первозданной красотой, окружающей его. Буран, чувствуя азарт хозяина, несясь вперед, его мощная грудь рассекала воздух. Они лавировали между стволами, огибая густые заросли орешника и внезапно появляющиеся валуны, словно сами деревья расступались перед этой стремительной мощью. Сергей не правил, он управлял своим телом и телом лошади как единым целым. Он знал каждый мускул Бурана, каждую реакцию, каждую смену ритма сердца. Этой дружбой, этой связью, он дорожил больше, чем всем остальным миром.

Скорость нарастала, земля под копытами превратилась в мелькающую зеленую полосу. Сергей инстинктивно пригнулся, его взгляд был устремлен вперед, туда, где пейзаж внезапно обрывался. Он видел это место сотни раз, но каждый раз оно захватывало дух с новой силой. Это была его личная граница, его точка отсчета. И вот, в момент, когда казалось, что инерция унесет их прямо в бездну, Сергей резко натянул поводья. «Тпру!» — короткий, резкий звук, и Буран, с невероятным мастерством остановился, встав на дыбы. Его передние копыта повисли в воздухе, а задние, мощно упершись в подкошенную траву, затормозили стремительный бег. Остановился он ровно в полуметре от края. Перед ними, расстилаясь внизу, раскинулась красавица Волга. Это была не просто река. Волга — самая длинная река в Европе, здесь, вдали от крупных городов, являла собой воплощение мощи и вековой истории. Её воды, кажется, впитали в себя все оттенки неба и берегов. В этот утренний час солнце играло на водной глади бликами, превращая её поверхность в дрожащее серебро и золото. Сергей тяжело дышал, его грудь вздымалась под тонкой майкой, сердце колотилось в унисон с утихшими ударами копыт. Он смотрел вниз, и вся суетность мира, вся неловкость семнадцати лет, все невысказанные подростковые драмы — всё это растворялось в этом грандиозном виде. Для Сергея Волга была личной святыней. Он родился и вырос в небольшом поселке, примостившемся на высоком берегу, и с самого детства река была его первым учителем, его сценой и его молчаливым исповедником. Она была одновременно грозной и ласковой, способной нести баржи с грузом и уносить в своих омуты тайны. Он представлял себе, что в мире есть еще немало красивых рек, но воображения не хватало, чтобы представить себе, какую-то из них, чтобы была красивее этой реки, рядом с которой он родился и вырос. Сергей смотрел вдаль и улыбался — у него было прекрасное настроение, а впереди целая жизнь, полная приключений и надежд. Впереди лежали дороги, которые еще не были проложены для него. Девушки, которые еще не были встречены. Испытания, которые еще не были пройдены.

Наконец, он развернул коня и поскакал дальше. Он знал, что вернется сюда еще много раз. За эти годы, проведенные рядом с этой великой рекой, он понял одну вещь: красота, насто-

ящая, глубокая красота, всегда требует жертв — будь то решимость, настойчивость или просто умение остановиться в нужный момент на краю пропасти.

Буран понёсся по полю к роще. Через пару минут Сергей остановил коня, лихо спрыгнул и снял седло. Легким хлопком по крупу отправил его пастись.

— Гуляй, Буран. Далеко не забегай.

Он положил седло в тени дерева и лег на него головой. Всё вокруг от шороха листьев до пения птиц напоминало ему о том, насколько важна гармония между человеком и окружающим миром. Его тело расслабилось, а разум начал погружаться в тихий покой. В этой идиллической обстановке в тени дерева воздух был полон свежести, а обилие звуков природы создавало ощущение безопасности и спокойствия. На огромной высоте летали ласточки, это означало, что, как минимум до завтра, будет прекрасная погода. Сергей закрыл глаза и сам не заметил, как уснул.

Внезапно послышался мужской крик: «Сережа!». Сергей проснулся и резко сел. Около него стоял отец — Владимир Кириллович. Сергей, увидев его, вскочил на ноги.

— Что-то случилось, папа? — с волнением спросил он.

Отец кивнул головой.

— Андрей серьёзно ранен. Он в госпитале.

— Главное, что жив! Папа! Он ведь жив?! — у Сергея дрожал голос.

— Да, да. Звонил его командир. Его жизни ничего не угрожает. Его даже перевели из реанимации в обычную палату. Сынок, тебе надо лететь в Ставрополь навестить брата. Я сейчас не смогу бросить ферму. Несколько лошадей болеют. Меня некому заменить. Маме я пока ничего не говорил.

Сергей почувствовал, как к горлу подкатил ком. Андрей, его старший брат, всегда такой сильный, подвижный и веселый, сейчас лежит раненный в госпитале. Сергей сглотнул и прокашлялся. Он почувствовал дрожь в руках и попытался силой воли ее унять. Но сразу не получилось.

— Конечно. Сейчас же начну собираться. Маме и не говори. Все-таки она на сохранении. Пусть сначала родит.

— Ну да, она уже 17 лет не рожала. Отвыкла от этого дела.

Отец развернулся и пошел в сторону села. До него было больше двух километров. Сергей свистнул. Вдалеке послышался топот. Из-за деревьев показался Буран. Еще через минуту Сергей вскочил на него и поскакал догонять отца. Погода начинала портиться. Тучи заволокли небо и быстро потемнело. Загрохотал гром. Ветер крепчал, срывая с деревьев последние листья. Сергей прищипорил Бурана, чувствуя, как конь напряг свои сильные ноги, увеличивая скорость. Он должен успеть, пока не разразилась настоящая буря. Отец упрямо шагал вперед, не обращая внимания на приближающегося всадника.

— Буран! Стой! — крикнул Сергей, натягивая поводья.

Буран послушно остановился, поднимая облачко пыли. Отец обернулся и махнул сыну рукой — «Проезжай». Сергей спрыгнул с коня и подбежал к нему.

— Отец, надвигается буря. Сейчас польётся. Зачем идти пешком? Садись на Бурана, так быстрее доберемся до дома.

Отец молча посмотрел на сына, потом на надвигающуюся тьму. Тут же сверкнула молния. Вздохнув, отец кивнул головой.

— Да, знатная будет дождина.

Вдвоем они взобрались на коня, и Буран, словно понимая серьезность момента, помчался в сторону села, разрезая надвигающуюся мглу.

Г. Ставрополь. 2 дня спустя.

Сергей сидел молча с закрытыми глазами. В голове крутились воспоминания. Вот они с братом десять лет назад гоняют мяч с соседскими мальчишками, сбивая коленки в кровь. Серега еще совсем мальчишка, брат на пять лет старше. Серега вспоминал, как брат учил его плавать. Вот они бесстрашно ныряют с обрыва в холодную воду. Андрей помогает уставшему Сереге выбраться на берег. Вот они вместе лихо скачут на лошадях по полям вдоль Волги. Андрей всегда был его опорой, его лучшим другом. Таким он остался и сейчас.

Авиалайнер тряхнуло, и он выпустил шасси. По салону самолёта раздался голос бортпроводницы: «Граждане пассажиры, внимание! Наш самолет начал снижение. Просим пристегнуть ремни безопасности и привести спинки кресел в вертикальное положение...» Люди зашевелились, защелкали пряжки привязных ремней, заскрипели кресла. Сергей проснулся и открыл глаза. Он был чисто выбрит, с короткой стрижкой, одет в летний костюм и белую рубашку. Голос бортпроводницы продолжал вещание в эфире салона самолета: «Рейс 7180, Ульяновск — Ставрополь» прибывает в аэропорт имени Суворова, температура в Ставрополе плюс 26 градусов». Рядом с Сергеем сидела симпатичная худенькая девушка лет восемнадцати в летнем льняном платье. Она повернула голову к Сергею и слегка дотронулась до его руки.

— Молодой человек, садимся.

Сергей посмотрел на неё.

— Простите, что вы сказали?

— Я говорю — пристегнуться надо, приземляемся, — она мило улыбнулась.

— Да, спасибо.

Сергей пристегнулся и отвернулся к иллюминатору. Он увидел, что за окном «молоко» — самолет пролетал сквозь облака. Он опустил руки на колени и ощутил, как его сердце замирает. Сергей, закусив губу, продолжал смотреть в иллюминатор. Одна за одной появлялись гряды гор, объятые облаками. Их могучие силуэты возвышались, как монументы, миллиарды лет назад воздвигнутые природой.

Девушка продолжала смотреть на Сергея.

— Извините, вы чем-то расстроены? — спросила она, улыбнувшись. — Молчали весь полёт.

Сергей повернулся к девушке и улыбнулся в ответ.

— Всё нормально. Просто есть, о чём подумать.

— А живете вы где — в Ставрополе или Ульяновске?

— В Ульяновском районе. В селе.

— А я из Краснодара, — поделилась она, — сейчас отпуск, слетала на несколько дней к подруге в Ульяновск. А в Ставрополе работаю в больнице медсестрой.

— Уважаю медицинских работников, — ответил Сергей, — благородная профессия. И действительно нужная.

Девушка улыбнулась.

— Благородная, но не сильно благодарная. Платят мало, а больные дарят только конфетки и шоколадки. А я их не ем — потолстеть боюсь.

— Мне кажется, лишний вес в ближайшие лет тридцать вам совсем не грозит.

— Скажете тоже, до такого почтенного возраста еще дожить надо, — ответила девушка и замолчала — наверно ждала, что Сергей что-нибудь ответит.

Но он снова отвернулся и посмотрел в иллюминатор — внизу показалась «карта» с маленькими едущими по дорогам машинками. Девушка разочаровано пожала плечами. Она была хрупкая, очень женственная с темно-серыми огромными глазами, но Сергей не обратил на это внимание. Часть мозга, ответственная за любовь, была занята соседкой Юлей, с которой он был знаком с детства. А все остальные мысли были о брате. Сергей очень переживал за него.

Спустя 20 минут колеса лайнера коснулись бетонного покрытия, и он плавно побегал по взлетно-посадочной полосе.

Еще через 40 минут Сергей вышел из здания аэровокзала. Тяжелые стеклянные двери с шипением закрылись за его спиной, отрезав его от гула и суеты аэропорта и от его специфической смеси запахов: человеческого пота, дешевой еды, пластика и чемоданов. Наконец-то свобода, пусть и ограниченная бетоном и асфальтом нового города. Дул ветерок, достаточно настойчивый, чтобы не дать полуденному июльскому зною превратить его короткую остановку в пытку. Это было удивительно для середины дня в южной части страны, но Сергей воспринял это, как маленький, едва различимый знак благосклонности судьбы. Сергей поправил на плече спортивную сумку, больше вещей у него не было, и остановился, словно врос в поверхность, чувствуя, как ступни привыкают к неровному тротуару. Он посмотрел по сторонам. Слева стояло высотное здание отеля, справа виднелись несколько шлагбаумов. Впереди за автобусной остановкой раскинулась широкая парковка, заполненная машинами всех мастей, а за ней — линия каких-то южных деревьев, обещавших более прохладную тень, но не дающих пока никакого направления. В этот момент его периферийный взгляд уловил движение. Девушка, которая сидела рядом с ним в самолете, прошла мимо него. Она катила чемодан на колесиках и придерживала свое легкое платье, которое развевалось на ветру. Девушка, имени которой Сергей так и не спросил, двигалась с какой-то замедленной грацией, будто шла сквозь густой кисель. Она оглянулась и на пару секунд задержала на фигуре Сергея взгляд, но он смотрел в другую сторону. По её лицу опытный физиономист мог бы определить, что она расстроена. Уголки губ чуть опущены, брови слегка нахмурены. Казалось, она только что пережила какой-то немой, личный крах, и теперь, оказавшись в потоке новой реальности, просто шла вперед по инерции. Это было странное ощущение, будто она только что прошла мимо своего шанса. Шанса на что? На короткий, ничего не значащий разговор в аэропорту? На то, чтобы просто улыбнуться незнакомому парню, который выглядел так же потерянно, как и она сама? Она решила, что, видимо, судьба в этот день решила отдохнуть, либо, наоборот, делает всё возможное, чтобы отсечь ненужных ей людей, уберечь от возможных ложных остановок. Ей нужно было двигаться вперед, сосредоточиться на цели, а не на случайных попутчиках, чья история заканчивается там, где начинается твоя. Она глубоко вздохнула на ходу, а ветерок принес с собой запах деревьев, растущих за стоянкой. Впрочем, судьба уже начала свой неумолимый бег с препятствиями — пройдет три года и Сергей узнает её имя, почувствует, что такое настоящая любовь и что такое боль потери.

К нему уверенной походкой подошел высокий крепкий мужчина лет сорока-сорока трех, в военной форме с погонами майора.

— Ты Сергей? — спросил он.

— Так точно, — громко и четко ответил Сергей.

— Майор Громов, командир роты, где служит твой брат.

— Здравия желаю, товарищ майор.

— Здравствуй, сынок. Меня зовут Виктор Иванович. Я сразу тебя узнал. Ты очень похож на брата.

Они крепко пожали друг другу руки.

— Товарищ, майор, как Андрей? — сразу спросил Сергей.

— Жизнь Андрея в неопасности, но его контузило и сильно раздробило ногу. Рядом с ним разорвалась граната. Четыре дня назад сделали операцию, ногу пришлось ампутировать.

Сергей смотрел на майора, в его глазах застыли слезы.

— Как же так?

— Ему ещё сильно повезло. Двоих бойцов, которые были рядом с ним, убило на месте.

— Почему это произошло? Ведь сейчас нет войны.

— Сынок, пока существуют деньги, войны будут идти всегда. К сожалению, человечество ужасно не совершенно — никак не могут решать свои финансовые проблемы мирным путем.

— Нам в школе о причинах войн рассказывали совсем другое.

Майор положил руку на плечо Сергея.

— Я конечно, утрирую, но, как говорил сам Черчилль, за любым военным конфликтом стоит жадность или жажда власти, что по сути одно и то же.

— Но иногда ведь люди просто защищают себя и своих родных, свою землю в конце концов?

— Не иногда, а всегда. В любой войне кто-то нападет, а кто-то защищается. Кто-то гибнет за идею, а кто-то сам не зная зачем. Но это спор не на одну бутылку кальвадоса. Ладно, поехали уже в госпиталь, навестим героя.

Они подошли к «УАЗу». За рулем сидел молодой солдат с лычками младшего сержанта. Сергей поздоровался с ним и сел назад, майор — вперед. Машина отъехала от здания аэропорта и влилась в поток, несущий к городу.

Поездка по улицам Ставрополя проходила в абсолютном молчании. Видимо, майор понимал состояние Сергея и не хотел сейчас его беспокоить. А Сергей отрешенно смотрел на «проплывающие» мимо здания, идущих людей и проезжающие машины. Он что-то хотел спросить у майора, но передумал. Почему-то захотелось помолчать. Всё происходящее вокруг казалось будничным, но в воздухе витало ощущение нечего важного, как будто сам город вздыхал и накапливал тайны. Солнце пробивалось сквозь облака, окрашивая небеса в розовые тона. Майор Громов, сидевший впереди молча смотрел вперед, он был сосредоточен на дороге. Его лицо не выражало никаких эмоций. Сергей вновь посмотрел на окна зданий, отражающих утреннее солнце. Он осознавал, что каждое из них хранит свою историю, но его собственная казалась сейчас блеклой и неправдоподобной. Он вдруг подумал о том, что жизни людей, которые он пока не встречал, скоро пересекутся с его жизнью. И некоторые — навсегда.

— Почему у людей часто бывает так, что они понимают друг друга только в молчании? — наконец тихо произнёс он, удивляясь собственным словам.

Майор повернул голову и взглянул на Сергея, как будто заметил, что тот вдруг стал живее — в глазах появилось искорка интереса. Громов несколько не удивился вопросу Сергея и просто ответил.

— Возможно, — сказал майор, его голос был хрипловатым, как старое радио, — потому что слова могут исказить истину. В молчании нет необходимости что-то объяснять, там не надо искать оправданий.

Сергей кивнул, осознавая, что их жизни уже пересеклись и для них обоих сейчас настало время дальнейшего знакомства, участия и понимания.

— Андрея комиссуют? — спросил Сергей.

— Да. Наградят и комиссуют. Мне будет его сильно не хватать.

Сергей закрыл глаза. Опять нахлынула череда воспоминаний. В его ушах прозвучал крик Андрея из детства — «Серый, подъем, ты опять проспал!» — его голос был низким для его возраста, и в нем всегда звучала нотка упрека, который Серега принимал как должное. Жизнь в селе диктовала свой ритм. Утро начиналось с первыми лучами солнца, пробивающимися сквозь ситцевые занавески. Мама с ее неизменным платком на голове, уже хлопотала на кухне, готовя густую овсяную кашу на молоке и оладьи с изюмом. Пока мама готовила завтрак, следовала неизменная полчасовая гимнастика. Андрей заставлял Серегу бегать и подтягиваться через силу, поэтому к десяти годам Сергей мог выполнить солдатский норматив — десять раз подтянуться, шесть раз сделать подъем с переворотом и пробежать километр меньше чем за четыре минуты. После школы или в выходные перед обедом они бежали купаться. Волга была спасением от летнего зноя и безграничным источником приключений. Сергей с Андреем торопились к прохладе. Пляж был диким — рядом с утесом полоска песка, усеянная крупной галькой, омываемая великой русской рекой. Другие ребята тоже приходили сюда, но Сергей с Андреем держались особняком. У них всегда были свои правила и свои рекорды. «Кто доплы-

вет до того затонувшего бревна?» — кричал Андрей, уже стягивая свою выцветшую футболку. Вода всегда была холодной. Даже в июле, когда солнце пекло нещадно, Волга хранила в себе прохладу, доставшуюся ей от тающих ледниковых снегов где-то далеко на юге. Пацаны ныряли с разбега, стараясь как можно глубже уйти под воду, чтобы увидеть игру солнечных лучей на дне. Андрей мог плыть долго. Он был сильным, как настоящий волгарь. Серега же боролся с течением. Волга кажется спокойной, но стоит попасть на дальнюю от берега струю, и она с силой напоминает о своей мощи. «Держись, Серый! Только не паникуй!» — кричал брат, когда Серега начинал барахтаться, наглотавшись воды. Он всегда помогал брату. Спокойным, уверенным гребком он подхватывал его, помогал перевернуться на спину, и они медленно плыли к берегу. Иногда, когда они уставали от бурных заплывов, то просто лежали на горячей гальке, глядя на проходящие мимо баржи и прогулочные теплоходы. Их гудки казались сигналами из совсем другой, взрослой, таинственной жизни. А потом они, синхронно вскакивали и опять бежали к реке. Когда Сергею исполнилось десять лет, Андрей научил его нырять вниз головой с утеса. Сначала с пятиметрового выступа, а потом они забирались на самый верх — высота была не меньше двенадцати метров, и ныряли оттуда. Потом они снова валялись на берегу и в песке играли в любимую детскую игру «Разминирование руки», и Андрей рассказывал о своей детской мечте — служить в спецназе. Через несколько лет его мечта исполнилась...

Через полчаса «УАЗ» остановился у ворот госпиталя. Сергей и майор вышли из машины и вошли через калитку внутрь. Они пошли по аллее, вдоль которой росли кипарисы, ко входу в здание. Воздух, который они вдохнули, выйдя из душного салона, был плотным и чужим, он пах скошенной травой, озоном после недавнего, быстрого дождя и чем-то резким, химическим, едва уловимым, но безошибочно ассоциирующимся с медициной и дезинфекцией.

Еще через семь минут Сергей подошел к лежащему на кровати брату. Майор остался у двери.

— Андрюха, привет, — пробормотал Сергей.

Брат открыл глаза и улыбнулся, увидев Сергея. Он был бледен, под глазами — болезненные синяки.

— Привет, Серый. Давно не виделись. Виктор Иванович, здорово!

— Привет, Андрюша, — ответил майор.

— Как... ты? — спросил у брата Сергей.

— Нормально, Серый... уже нормально... правда меня немного укоротили...

Сергей, ощутив нарастающее волнение, был больше не в состоянии держать себя в руках, его эмоции, переполняющие его, начали проявляться на лице — подбородок его начал дрожать и слезы покатились по щекам, оставляя мокрые следы.

— А вот это прекрати, Серый. Что за сырость? Я же жив. — Андрей взял брата за руку, — А ногу мне сделают новую. Врач сказал, на протезе буду ходить, никто подмены и не заметит.

— Правда? — Сергей присел на стул, не выпуская руки брата.

— Правда, правда. Вот увидишь!

— Это хорошо, — Сергей заметно успокоился.

— Как мама? Еще не родила? — спросил брат.

— Нет пока. Но уже известно, у нас будет сестрénка.

— Это здорово! Будем вместе учить её верховой езде. Сделаем её чемпионкой по коню.

— Обязательно. Тебя комиссуют? Ты ведь скоро вернешься домой?

— Да, ещё месяцок поваляюсь, подлечусь, приду в форму и приеду. Буду отцу помогать на ферме. Серый, у меня к тебе просьба. Бросай свою сельскохозяйственную академию и замени меня. В деревне мы теперь справимся без тебя.

— Как заменить?

— Поступай в училище МВД. Будешь служить в милицейском спецназе.

— Да я бы с удовольствием. Если честно, я сам хотел тебя попросить, чтобы ты поговорил с отцом. Боюсь, он меня непустит, после того, что произошло с тобой.

— Отца и мать я беру на себя. Так что возвращайся, улаживай дела и ровно через месяц тебя уже тут будут ждать. Виктор Иванович тебя подготовит к экзаменам.

— Правда? — Сергей посмотрел на Громова.

— Даже не сомневайся, — ответил тот.

— С твоим умом и спортивными данными я не сомневаюсь, что ты поступишь без всяких проблем, — закончил мысль Андрей.

Ульяновская область, село «Завидное». Неделю спустя.

Сергей и красивая девушка его возраста шли вдоль берега. Легкий бриз, дующий на них с водной глади, нежно трепал волосы Сергея и его подруги, играя с прядями и принося с собой освежающую прохладу. Они шли по узкой, утоптанной тропинке, что петляла вдоль берега Волги, чьи воды казались зеркалом, отражающим угасающий день. Они шли, крепко сцепив руки; их ладони были знакомы друг другу до мельчайших линий, и это простое физическое соприкосновение служило невидимым мостом между их внутренними мирами. Девушку звали Юля, она училась в одном классе с Сергеем и жила на соседней улице. Их дома были настолько близки, что условная граница между их дворами казалась лишь формальностью. Они остановились и посмотрели друг другу в глаза. У девушки были глаза необыкновенного, теплого карего цвета, всегда полные искринок смеха или задумчивости. В этот момент они, казалось, стали глубже, чем обычно, впитывая в себя отблески заката. В этих глазах не было ни тени флирта, ни неуверенности — только чистое, откровенное признание. Время замедлилось, и каждый вдох и выдох казался значимым событием. Юля под пристальным, но нежным взглядом почувствовала, как внутри нее что — то сдвинулось, что — то давно запертое и спрятанное. Это было нечто большее, чем просто влюбленность, которую они, возможно, испытывали друг к другу месяцами. Это было ощущение абсолютной правильности момента, осознание того, как много Сергей значит для нее, не только как друг, но как опора, как человек, с которым она хотела бы разделить свою жизнь, даже если им всего по восемнадцать. Ее ресницы, густые и темные, дрогнули, словно бабочка, коснувшаяся нежного шелка. Это было мимолетное, почти незаметное движение, но Сергей, чуткий к любому ее изменению, уловил его. Он ждал, затаив дыхание, чувствуя, как их сцепленные руки становятся холодными от внезапного напряжения.

А затем произошло нечто спонтанное, нечто, что не было запланировано ни одним из них. Юля отпустила его руку, чтобы тут же обхватить его торс своими руками, прижимаясь к нему всем телом. Это было нежное, но отчаянно крепкое объятие, похожее на то, как тонущий человек хватается за спасательный круг. Она уткнулась ему в плечо, и Сергей почувствовал, как рыдания начали сотрясать ее маленькое тело. Из ее глаз, за секунду до того казавшихся такими спокойными, хлынули слезы. Это был не плач горя или обиды; это был поток чистой, неуправляемой эмоции, которая прорвала плотину сдержанности. Слезы текли по ее щекам, теплые и соленые, впитываясь в воротник его рубашки. Сергей почувствовал, как его сердце тревожно сжалось. Он не знал, что именно вызвало этот внезапный излив чувств — осознание их близости, страх перед будущим, или просто переизбыток накопившихся за долгие годы невысказанных эмоций. Но в этот момент знание причин было неважным. Важным было только то, что перед ним стояла Юля, его Юля, и ей нужна была его поддержка. Он поспешно обнял ее в ответ, крепко, но нежно притягивая к себе. Он гладил ее по волосам, чувствуя, как меняется ритм ее дыхания под его ладонью.

— Юля, тише, что случилось? — прошептал он, его голос был низким и немного хриплым от собственного внезапного волнения. Он старался говорить максимально спокойно, не давая своему голосу дрогнуть, чтобы не усилить ее смятение.

— Обещай, что будешь мне писать каждый день, — всхлипывая произнесла она.

Ну конечно. Сегодня днем он ей сообщил, что скоро собирается поступать в военное училище. И вот её только теперь прорвало.

— Обещаю, что буду писать тебе при первой возможности. Каждый день может не получиться. А через год приеду на каникулы. Время быстро пролетит.

Юля поцеловала его в губы.

— Я буду тебя ждать. Мне так хорошо с тобой, Серёж. Так невероятно хорошо, что даже страшно.

— Что ж тут страшного? — удивился Сергей.

— Страшно тебя потерять.

Сергей отстранился и нахмурился. Юля продолжала смотреть ему в глаза.

— Что, Сережа?

— А как же твой поклонник Руслан? Он-то остаётся. Он к тебе явно неровно дышит.

— Да ну его. С его ревностью, он никогда не найдет себе девушку.

— Я вернусь к тебе.

— Тоже при первой возможности?

— Да. Я же люблю тебя.

Эти слова дались ему нелегко. Сергей впервые в жизни признался девушке в любви.

— Сережа, я тоже тебя люблю.

Они продолжили целоваться. Сергей ощутил, как тепло её тела проникает в его душу, как будто они уже стали единым целым. Он прижал её к себе сильнее, стараясь запомнить это мгновение — яркий свет заката падал на их лица, окрашивая всё вокруг в нежные розовые и золотые тона.

— Верь мне, — спокойно сказал он, отстраняясь чуть — чуть, чтобы взглянуть в её глаза. — Я никогда не забуду тебя.

Юля кивнула, но её взгляд тревожили тени неуверенности. Он мягко отстранил ее на расстояние вытянутой руки, но руки их по — прежнему оставались соединенными. Он осторожно поднял свою ладонь и большим пальцем убрал влажные дорожки с ее щеки. Его прикосновение было невесомым, но в этом жесте чувствовалась вся его забота и нежность.

— Верь мне.

— Ненавижу прощаться, — призналась она, покачивая головой. — Но я верю, что это не навсегда.

Сергей улыбнулся в ответ, но в глубине души тоже чувствовал тусклый страх. Быть разлученными — это было новое ощущение, от которого адреналин стучал в висках.

Неожиданно невдалеке раздался смех. Из-за поворота появились четверо парней. Впереди шёл Руслан.

— Какая трогательная сцена. Сейчас заплачу, — нарочито издевательским тоном сказал он.

Остальные парни заржали.

— Тили-тили, трали-вали, — продолжил Руслан, — сейчас из вас будем делать тесто.

Сергей сделал два шага вперед и закрыл собой Юлю.

— Что, и девушку тоже будете бить? — поинтересовался он, улыбаясь.

— А чего ты лыбишься, — удивился Руслан, — ты все равно не узнаешь, что мы с ней сделаем. Потому что начнем мы с тебя. А по сопаточке она точно получит, не сомневайся.

— Предлагаю вам быстренько развернуться и убежать. Тогда все останутся целыми.

Руслан обернулся к парням.

— По-моему, он нам хамит.

— По-моему, тоже, — ответил высокий парень спортивного вида. — Наверное, он реально хочет получить.

— Да я еще не начинал, — объяснил Сергей, — но получить, по-моему, как раз хотите вы.

— Точно хамит. Ну сам напросился, — ответил Руслан.

— Ребята, не надо. Пожалуйста, — начала просить Юлия.

— Надо, Юлия, надо. Кстати, со мной ты тоже когда-то целовалась. Но не с такой самоотдачей.

— Руслан, я же тебе сказала — между нами всё кончено. Что ты не понял?

Руслан усмехнулся подошел ближе.

— Красиво сказала. Выучила фразу из какого-то любовного фильма, стерва?

— Эй, ты, как там тебя, Руслан что ли — крикнул Сергей, — Хамишь-то как раз ты. Не плохо было бы извиниться перед девушкой.

— А то что? — удивился Руслан.

— А то сильно пожалеешь, — объяснил Сергей.

Руслан сделал еще два шага и наотмашь ударил Сергея в лицо. Сергей не шелохнулся, только из носа потекла кровь. Он вытер рукой кровь и сделал выпад, ударив Руслана ногой в грудь. Руслан отлетел и упал на дорогу. Парни кинулись ему на выручку. Высокого парня Сергей свалил тоже ударом ноги. С остальными он начал «махаться» — они получили по несколько ударов в лицо и голову. Высокий парень ударил Сергея по ногам и сбил его на землю. Сергей закрыл лицо — его несколько раз ударили ногами. Юлия попыталась им помешать, но её оттолкнули, и она упала в кусты, растущие рядом с дорогой. Сергей увидел, как упала Юлия. Он резко вскочил, не обращая внимания на удары и послал в нокаут ближайшего соперника. Руслан сделал выпад, но Сергей отбил удар и ударил Руслана в челюсть. Тот свалился. Высокий парень отступил. Но Сергей подскочил к нему и тоже свалил двумя ударами. Сергей вытер с лица кровь. Он присел около поверженного Руслана и приподнял его за воротник рубашки.

— Если ты ещё подойдешь к Юле, я вернусь и убью тебя.

Руслан усмехнулся и сплюнул кровь в дорожную пыль.

— Не пугай пуганного! Убить — кишка тонка. Это тебе не кулаками махать.

— Я просто предупредил, — ответил Сергей.

— Ты сначала вернись, а там посмотрим, кто кого.

Шел ливень, гремел гром и сверкали молнии. Погода была, как в начале фильма ужасов. Но в доме было сухо и тепло, воздух в комнате был плотным, насыщенным ожиданием, словно и сама эта стихия ждала чьего-то важного слова. Сергей стоял у окна, облокотившись на подоконник, и наблюдал за разбушевавшейся стихией. Его силуэт казался частью темного пейзажа, лишь отражение редкого света из комнаты изредка высвечивало напряженные линии его лица. Молнии разрывали чернильное небо, обнажая на долю секунды искаженные ветром кроны деревьев и крыши соседних домов. Каждый раз, когда раздавался оглушительный, раскатистый гром, дом содрогался, и напряжение в груди Сергея усиливалось.

— Серёж... — послышался голос отца. Он был ровным, но Сергей уловил ту вибрацию, которая всегда появлялась, когда Владимир пытался говорить о чем-то действительно важном, стараясь не давить, но в то же время, не оставляя места для маневра. Сергей выпрямился и развернулся. В дверях стоял отец.

— Бать, не начинай. Я же сказал, что я твердо решил, — тихо ответил Сергей, и его голос прозвучал неожиданно твердо, без юношеской надрывности. Потом он подошел к отцу и обнял.

— Я понял, сынок, — тихо ответил отец. — Я хотел сказать — береги себя. Если с тобой что-то случится, мы не переживем.

— Ничего не случится! Главное, об этом не думать.

— Хорошо. Мы будем стараться об этом не думать, — пообещал отец.
За окном в очередной раз прогремел гром.

Глава третья. «Курсант»

Ставропольский Край. Три месяца спустя.

Ливень шел вторые сутки. По горной дороге текли ручьи, больше напоминавшие маленькие горные речушки. Курсанты бежали кросс с автоматами и тяжелыми вещмешками. Из-под ног в шнурованных берцах разлеталась во все стороны вода. Сергей бежал первым, он был весь мокрый, но он улыбался. Тяготы воинской службы ему были не в тягость.

Он всегда любил дождь. В его родном городе дожди шли не часто, но без них в нем не было бы жизни. Дождь орошал поля, смывал пыль с улиц, освежал воздух и дарил ощущение чистоты и прохлады. Здесь, в горах, особенно в прохладное время, дождь был другим — суровым и неукротимым, но в то же время завораживающим своей мощью. За спиной слышалось пыхтение и шлепанье по лужам. Товарищи старались не отставать, но темп, заданный Сергеем, выдерживали не все. Он чувствовал их дыхание, их усталость, но не сбавлял скорости. Впереди ждал финиш, и он должен был прийти первым. Не ради славы, а ради себя самого, чтобы доказать, что способен на большее.

Мысли уносились далеко, в детство, к матери, которая всегда говорила ему: «Будь сильным, сынок. Иди вперед, несмотря ни на что». Эти слова эхом отдавались в его голове, придавая сил и уверенности. Дождь хлестал в лицо, ветер рвал форму, но Сергей продолжал бежать, чувствуя себя частью этой горной стихии. Он знал, что впереди его ждет еще много испытаний, но он был готов к ним. Он был курсантом, солдатом, и он должен был быть лучшим. Потому что так надо. Командир приказал остановиться и упасть на землю. После пятидесяти отжиманий курсанты продолжили марш-бросок. Несмотря на непогоду, им еще предстояли стрельбы и занятия рукопашным боем. Отдыхали они только поздно вечером. А с утра всё по новой. Тот, кто не выдерживал ритм, уходил. Но Сергею всё нравилось, он чувствовал, что это его жизнь и сдаваться он не собирался. Никогда.

Ульяновская область. Поселок «Прибрежный». Май, 2016 год.

В беседе Яна Зверева продолжала брать интервью у Сергея.

— Два года пронеслись, как скорый поезд, — продолжал свой рассказ Сергей, — я и не заметил. Но события, которые произошли в том году, я запомнил навсегда.

— Именно тогда вы получили своё первое ранение? — поинтересовалась Яна.

— Да. Именно в этом году я получил два ранения в живот, контузию и два ранения в сердце.

— Как?! Вы получили ранения в сердце и остались живы?

— Да и тогда я впервые пожалел, что остался жив. И какое из ранений больнее в тело или в душу — это вопрос.

— Понятно. Ранения в сердца — это любовные истории. Прекрасно, расскажите нам о них. Тогда получится смешение жанров.

— В смысле? — переспросил Сергей.

— Я помню, что в каком-то интервью вы говорили, что ваша жизнь похожа на киношный боевик с элементами триллера. Вот я и хочу разбавить его мелодрамой.

— Хорошо, расскажу. Я продолжал учёбу. Раз в неделю писал домой письма и Юле... но она не отвечала...

Ульяновская область. Село «Завидное». 22 года назад.

В гостиной, пропахшей ароматом недавнего ужина и свежее испеченного хлеба, сидел Владимир — отец Сергея. Свет бра, бросавший приглушенный оранжевый круг на затертую столешницу, освещал его лицо, каждая морщинка на котором теперь казалась глубоким следом пережитого. В руках он держал развернутое письмо. На столе лежал вскрытый конверт. Маргарита, мать Сергея принесла с кухни чайник и разлила по чашкам чай. Рядом с окном, укутанная в байковое одеяло, тихонько сопела их младшая дочь, Люсечка. Ей было всего два года, и мир для неё пока ограничивался мамиными и папиными руками, родительскими колыбельными и теплом этого дома. Она была их якорем, напоминанием о том, ради чего стоит жить и за что стоит бороться — за мирное будущее, которое их сын выбрал для себя защищать. Дочка заголосила. Маргарита подошла к детскому манежу, взяла на руки дочку и начала укачивать её. Владимир посмотрел на жену. Она кивнула головой, и он продолжил чтение. Глаза её были влажными, но она старалась держать себя в руках. Мать Сергея всегда была той, кто держит оборону дома, даже когда враг — это просто расстояние и тревога.

— Мне присвоено очередное звание младший сержант. Больше новостей нет. И, хотя скучать здесь совсем некогда, очень скучаю по вам. Курсант Дергачев (Серый).

Отец отложил письмо. Взял в руки фотографию. На ней Сергей в курсантской форме с автоматом в руках. На погонах у него по две лычки. Отец несколько секунд любовался сыном, потом снова посмотрел на жену.

— Он так возмужал за два года.

— Мне кажется ему там нравится.

— Это точно. С его-то характером.

Отец положил фотографию на стол, взял чашку с чаем и задумался. Мать с ребенком присела на стул рядом. Отец обнял их. Девочка больше не кричала. Они сидели и в тишине пили чай. Мать посмотрела на фотографию, лежащую на столе и украдкой вытерла слезу.

Письмо от Сергея было не только весточкой из училища. Это был мост между двумя эпохами их семьи. Он строил свою крепость, а они держали оборону дома, веря, что когда-нибудь, после этой строевой и боевой подготовки и уставных знаний, он вернется сюда — не только их сыном, но и человеком, который выбрал честь служить.

Ставропольский Край. 10 месяцев спустя.

Курсанты занимались строевой подготовкой. Звучали короткие и четкие команды: «Налево», «Смирно», «Шагом марш» и так далее. Курсанты шли строем по команде: «Смирно», повернув голову вправо. В это время небо нахмурилось. Резко стало темно. Раздался гром и начался ливень. Их командир Майор Громов крикнул: «Стой, раз-два! В казарму бегом марш!». Потом он улыбнулся и добавил: «Сегодня на час подольше отдохнете, раз само небо просит».

Спустя пол часа в казарме у тумбочки дневального дежурный сержант раздавал курсантам письма.

— Михайлов! Рязанцев! Сидоренко! Амелин! — кричал он.

Курсанты подбегали, по очереди выхватывали у него из руки письма и тут же отбегали в сторону. Наконец, дошла очередь и до Сергея. Он схватил письмо и пошел по коридору, на ходу вскрывая конверт.

Через десять минут курсант Амелин увидел, что Сергей молча сидит на кровати. В руках он продолжал держать письмо. Вадим подошел к нему. Сергей смотрел перед собой.

— Серый! Всё нормально? — спросил Амелин.

Сергей повернул к нему голову.

— Что?

— Всё нормально, спрашиваю?

— Ну да, если не считать, что Юлька выходит замуж за другого, — Сергей скомкал письмо, — школьный дружок сообщил новость.

— Неприятная новость. Это за того, с кем ты дрался из-за неё?

— Ну да, похоже за него.

Вадим сел рядом с Сергеем и приобнял его за плечо.

— Ну и хрен с ней. Найдешь себе другую, более верную.

— Ты прав. Но как-то грустно стало. А я-то думаю, почему она мне не пишет.

— Не грусти, солдат. Значит не твоя и была.

Сергей развернул письмо и разорвал его на мелкие клочки.

— Ты прав, Вадик, ты прав. Она не моя и никогда не была моей. А я её.

Он поднялся с кровати.

— Пойду-ка выброшу эти жалки огрызки.

Сергей пошел мимо ряда кроватей в сторону выхода. Амелин достал из кармана письмо и спрятал его в тумбочку.

Чуть позже перед отбоем Сергей, голый по пояс, подтягивался на турнике во дворе училища. Он тихо шептал, как заклинание: «Двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять...» Воздух был прохладен, пах резиной, старой краской и солдатским потом. Послышалась команда: «Отбой» словно приговор сном. Курсанты проходили мимо Сергея и удивленно поглядывали на него — по расписанию свободное время, возможность немного отдохнуть от упражнений и занятий. Сергей не замечал их взглядов. Он не искал одобрения. Его мир сузился до перекладины и расстояния между его подбородком и ней. Каждый рывок был маленьким актом неповиновения общепринятой норме. Норме, которая разрешала обновиться, когда приказывали. Он продолжал подтягиваться. На счёт «пятьдесят», он спрыгнул с турника.

Солнце, казалось, решило в этот день сиять с удвоенной силой, заливая золотистым светом старинные стены ЗАГСа и ослепляя всех, кто выходил из его прохладных, официальных недр. Воздух звенел от радостных возгласов, смеха и музыки, доносившейся из подъехавших машин. Юля, ослепительная в своем белоснежном платье, напоминала ожившую весеннюю мечту. Фата, струящаяся по её золотистым волосам, ловила каждый луч, превращая её в сияющую фигуру, центр всеобщего внимания. Она улыбалась. Это была та самая, искренняя, беззаботная улыбка невесты, которой, казалось, хватило бы, чтобы осветить целый город. В руках её громоздились букеты — белые розы, нежно — розовые пионы, фиолетовая лаванда — подарки, принимаемые с благодарностью, но уже чуть устало.

Руслан, теперь уже её муж, стоял рядом, крепкий, уверенный, с решительным блеском в глазах. Он держал Юлю за талию, не выпуская из виду, будто боялся, что её унесет ветром счастья. Compliments сыпались градом. Целовали, обнимали, лезли с поздравлениями из всех уголков толпы — родственники, друзья, даже случайные прохожие находили повод вырастить «Совет да любовь!». И вот, когда канонада поздравлений достигла своего апогея, раздалось оглушительное, требовательное: «Горько!»

Руслан, не колеблясь, обхватил лицо Юли ладонями. Его поцелуй был долгим, жадным, торжествующим. Он целовал её с пылом человека, который только что выиграл самый важный приз в жизни. Юля отвечала ему, слегка запрокинув голову, продолжая улыбаться даже сквозь сомкнутые губы, словно эта сцена была идеальной открыткой, которую она хотела запечатлеть навечно.

В толпе стоял Сергей и молча влажными глазами смотрел на Юлю. Со всех сторон слышались крики: «Горько!» Руслан и Юля продолжали поцелуй. Сергей продолжал пристально смотреть на них. Он не двигался. Он не кричал «Горько!» и не спешил подходить с подарком или объятиями. Сергей стоял, как изваяние, высеченное из тени и застывшей боли. Его

руки, засунутые в карманы костюма, купленного к выпускному балу, сжимались до побелевших костяшек. Он смотрел на Юлю. Смотрел так пристально, что, казалось, если бы его взгляд мог пробить барьер между ними, он сейчас бы стер эту счастливую улыбку, этот атласный блеск платья и то, как Руслан целовал её губы. Сергей знал эти губы. Они были его губами. Когда-то были его губами. Он увидел, как Руслан отстранился, сияя от успеха. Юля поправила фату, обвела взглядом толпу и снова улыбнулась, чуть менее свободно, но все еще ослепительно. И тут... Юля увидела его.

И эта ослепительная, невесомая улыбка дрогнула. Она не погасла, нет. Она превратилась в нечто иное — в болезненное, горькое признание. В ней читалось: «Прости».

Внутри Сергея бушевал не просто гнев. Это было отчаяние, скрученное в тугой, невыносимый узел. Он чувствовал, как его горло сжимается, лишая голоса. Он хотел, чтобы этот момент закончился. Хотел, чтобы кто-нибудь остановил этот карнавал чужого счастья, основанного на его, Сергея, нерешительности и, возможно, недостаточности.

И тут реально всё остановилось. Вдруг прозвучала команда: «Тревога».

Сергей проснулся. «Горько» — прошептал он в пустоту и вскочил с кровати. Остальные курсанты тоже вскакивали с кроватей и начинали быстро одеваться.

На плацу горели яркие фонари. Их свет выхватывал из ночной тени ряды курсантов, застывших в идеальной геометрии строя. Воздух был плотным и неподвижным, пропахшим пылью, озоном от электрического света и едва уловимым запахом кирзы и пота. Напротив этих рядов, чуть отстраненно, стояли фигуры офицеров. Их силуэты казались вырезанными из темного картона, но каждый жест, каждая тень говорила о строгой дисциплине и напряжении, витавшем в воздухе. Наконец, из ряда офицеров выступил полковник. Он не делал лишних движений, а остановился ровно по центру строя, сделал глубокий вдох, и его голос, усиленный ночной тишиной, прозвучал неожиданно громко и резко.

— Товарищи курсанты, — начал он, и звук его голоса, казалось, прорезал густоту ночи. — Нам необходимо срочно оказать содействие нашим товарищам на перевале Наур.

Курсанты молчали, но в их напряженных лицах чувствовалась готовность к немедленной реакции. Это были не просто студенты в форме, это были будущие офицеры, способные действовать, когда тело и разум требуют покоя.

— Вчера там частично было ликвидировано незаконное воинское формирование, попросту банда.

Слово «банда» было произнесено с интонацией абсолютного презрения. Это не была абстрактная военная задача, это была конкретная, грязная работа, которую они должны были завершить.

— Некоторым боевикам удалось уйти, — продолжил полковник, его голос стал более жестким, лишенным официальной сухости. — Они ушли в сопки, в ущелья. Это хищники, действующие по принципу «бей и беги». Сейчас там проходят облавы по всей местности. Тех сил, что уже работают, недостаточно, чтобы закрыть все возможные пути отхода и укрытия. Народу не хватает.

Он обвел взглядом ряды, ища в глазах молодых людей понимание всей серьезности ситуации. Перевал Наур был известным проходным пунктом, сложным горным районом, где любое промедление, любая заминка могла стоить жизни не только им, но и тем, кто уже вел бой.

— Исходя из оперативной необходимости и качества вашей подготовки, — продолжил он, — принято решение выслать подмогу, вылетают первый и второй взвода.

Среди курсантов прошел тихий, едва слышный вздох. Первый и второй взвода — это были лучшие. Это была не только честь, но и знак того, что задача будет не из легких.

— Старший в этом мероприятии — майор Громов.

Слово «старший» прозвучало не как рекомендация и не просто, как приказ, а как абсолютный закон. Майор Громов был легендой спецназа — жесткий, требовательный, но справедливый командир, который никогда не отправлял подчиненных туда, куда не пошел бы сам. Громов, стоявший среди офицеров, сделал шаг вперед.

— Есть! — четко ответил он.

Полковник прокашлялся и продолжил инструктаж.

— Эта работа грязная, тяжелая и опасная. В горах работать сложно, видимость местами плохая, сплошная зелёнка и горы с потайными тропами, а противник знает местность. Но вы — гордость нашего училища. Вы должны показать, что можете выполнять приказы в реальных условиях, где цена ошибки — человеческая жизнь.

Полковник оглядел их еще раз.

— Оружие — полное снаряжение. Боекомплект — по норме для контрдиверсионных действий. Никаких лишних вещей. Экономия веса — залог выживания. Собирайтесь, ребята, получайте оружие, — продолжил полковник. — Вылет через час. Удачи вам!

Глава четвертая. «Первый бой»

Перевал Наур. 7 часов спустя.

По горной узкой дороге на небольшой скорости двигались два военных грузовика. Грузовики остановились у небольшого кирпичного домика со шлагбаумом. Трое бойцов спрыгнули на землю. Они заменили солдат, дежуривших на блок-посту и попрощались с ними. Грузовики отправились дальше и через несколько секунд они скрылись за поворотом. Один из них, а это был Сергей, огляделся. Место было глухое. Кругом горы, поросшие лесом. Дорога уходила вверх, извиваясь серпантинном. Небольшой домик блок-поста казался единственным признаком цивилизации в этом диком краю. Ветер свистел в ущелье, принося с собой запах хвои и сырой земли. Второй курсант — Вадик Амелин достал сигарету и закурил, прислонившись к кирпичной стене.

— И долго нам здесь торчать? — спросил он, выпуская клубы дыма.

— Пока не придет смена, то есть долго — ответил Сергей, подгоняя ремень автомата, чтобы удобнее повесить его на шею. — Приказ есть приказ.

— Спасибо, объяснил. Курнуть хочешь?

— Я ж не курю.

— Но вдруг решил начать, — Вадим рассмеялся.

— Нет, не курю и тебе не советую.

— Почему?

— Умные люди говорят, что вредно.

— Ну не знаю — мой дед курил, до 90 лет дожил. Отцу больше семидесяти, курит и умирать не собирается. Ну и я не собираюсь. По крайней мере ближайшие лет восемьдесят.

Третий боец, молчаливый и сосредоточенный сержант, осматривал окрестности в бинокль. Его звали Тимур. Осмотрев местность и не обнаружив ничего подозрительного, он подошел к Амелину.

— Всего восемьдесят? А чего не сто?

— Я привык реально смотреть на вещи.

— А, понятно.

Солнце начало клониться к горизонту, окрашивая горные вершины в багряные тона. Тени становились длиннее, а воздух — прохладнее. Сергей достал из рюкзака термос, открыл крышку — стакан, вынул толстую пробку и налил в нее ярко красный горячий чай.

— Не помешает согреться, — сказал он и сделал пару глотков из крышки термоса, — есть желающие?

— Термосик все-таки прихватил. Экономия веса — закон выживания, — Амелин подошел к нему и протянул руку, — но кто сказал, что на чае нужно экономить?

Сергей добавил в крышку чая и отдал товарищу. В тишине гор слышался лишь шелест листвы и редкий крик какой-то хищной птицы. Время текло медленно и однообразно.

Ульяновская область. Село «Завидное». В это же время.

Руслан распахнул дверь, вошел в дом и, не сдерживая своих движений, сбросил в коридоре на пол куртку. В его глазах отражалась какая-то непонятная злость, а ноги еле держали его. Он был пьян, что было очевидно даже для случайного наблюдателя. В этот момент из кухни вышла Юлия, ее лицо исказилось от горечи и разочарования.

— Опять напился. Господи, ну сколько же можно, — заголосила она, чуть не плача, ее голос дрожал, и в нем звучали нотки отчаяния, почти близкие к истерике.

Она не могла понять, почему Руслан снова выбрал алкоголь вместо общения с ней и почему он на нее злится, ведь она старается вести себя, как идеальная жена. И у неё это неплохо получается.

— Заткнись. Сколько хочу, столько и напиваюсь, отстань, — грубо сказал он и сел на табуретку, стоявшую в прихожей. Руслан снял ботинки, сбросив их на пол с явным пренебрежением.

В этот момент в коридоре повисло напряжение. Юля, стоя напротив него, чувствовала, как все его слова ранят ее. Она знала, что за его поведением что-то скрывается, но не понимала — что. Наступила тишина, и она стала еще более невыносимой, чем слова. Ситуация требовала решения, но оба оказались в ловушке своих эмоций. Юля понимала, что так больше продолжаться не может, но каждый раз, когда она пыталась поговорить, Руслан отстранялся. Этот замкнутый круг порождал лишь еще большее недопонимание и отчаяние.

— Руслан, я так больше не могу, — наконец выговорила она.

— Что ты не можешь? — Руслан посмотрел на неё пьяными и злыми глазами.

— Я хочу нормальной жизни. Детей, семью. Ты обещал мне, что мы уедем в Ульяновск.

— Да пошла ты. Надоела.

У Юли начали течь слезы. Руслан вскочил и подошел к ней вплотную.

— Кончай реветь. Не нравится такая жизнь — сваливай к родителям. Я тебя не держу.

— Зачем я за тебя вышла? — Юля продолжала рыдать.

— Потому что ты неверная сучка. Ты и года не прождала своего Серегу.

— Господи, какая же я дура. Ты же не любишь меня! Зачем ты на мне женился.

— Зачем? Не понимаешь? Я женился я на тебе, чтобы твой будущий ментёныш позлился.

Всё, других причин нет. Потому что трахать тебя мне надоело на второй день.

— Ну ты и ублюдок, — прошептала пораженная Юля.

Она замахнулась и попыталась его ударить. Но Руслан, не смотря на пьяное состояние, ловко перехватил её руку и сильно ударил открытой ладонью по щеке. В народе это называется «дать леща». Юля отлетела к вешалке и упала на пол, сорвав куртку. Она ударилась головой об пол и завывала.

— Я сказал — заткнись! Овца!

Руслан пнул ее ногой и пошел в комнату. Юля продолжала плакать, размазывая по лицу текущую из носа кровь.

Перевал Наур. В тот же день.

К блок-посту, скрепя тормозами и гремя глушителем подъехала потрепанная машина — «Лада» пятой модели. Амелин подошел к ней, тряся перед лицом рукой, отгоняя пыль. В салоне сидели мужчина, женщина и ребёнок. Сергей остался стоять у шлагбаума. Тимур стоял в нескольких метрах позади и держал ее на прицеле — так полагалось по инструкции.

— Добрый день! — поздоровался Амелин.

— Добрый день, дорогой! — весело ответил водитель.

— Выйдите, пожалуйста, из машины, откройте багажник.

— С удовольствием. Надо, так надо.

Водитель вышел из машины, обошел её и открыл багажник. Амелин подошел поближе и заглянул туда. В багажники лежала корзина с овощами, рядом арбуз и две дыни.

— К теще едем. День рождения у неё, — пояснил водитель.

— Поздравьте от нас тещу. Счастливого пути! — Амелин взял под козырек и отошел к шлагбауму.

— Спасибо, дорогой, — водитель закрыл багажник и сел на место.

Амелин кивнул Сергею, тот открыл шлагбаум, и «пятерка» поехала дальше. Курсанты заметно расслабились. Сергей облокотился на шлагбаум, опять налил себе чаю, поставил термос на землю и сделал пару глотков. Через минуту он заметил невдалеке облако пыли. Он закрыл крышку термоса и повернулся к товарищам.

— Товарищи курсанты! К нам новые гости! — объявил он.

— Что-то гости зачастили, — вздохнул Амелин и затоптал окурки.

Через три минуты подъехал серый микроавтобус «Фольксваген». Рядом с водителем сидела красивая восточная девушка, поэтому Амелин, увидев, её сначала подошел с правой стороны. Окошко у нее было открыто.

— Добрый день, красавица. — поздоровался Амелин, — Куда путь держите?

Амелин улыбнулся девушке, но та осталась серьезной.

— Здравствуйте! — ответила она, — На свадьбу к сестре едем, опаздываем уже! Колесо по дороге спустило, долго меняли. Пропустите нас, пожалуйста.

Амелин усмехнулся и пошел к двери водителя.

— Сплошные праздники сегодня — то свадьба у сестры, то день рождения у тёщи, — сказал он.

Тимур в это время подошел к автобусу и открыл боковую дверь. Первое, что бросилось в глаза — было много цветов, они занимали почти все пространство салона. Среди огромных букетов сидело трое бородатых мужчин, одетых в костюмы с галстуками. Они все улыбались и наперебой стали здороваться. Сержант им кивнул. Он махнул рукой Сергею, тот открыл шлагбаум. Тимур сделал шаг назад и один из мужчин нагнулся, чтобы закрыть дверь. Неожиданно что-то выпрыгнуло из микроавтобуса и упало на дорогу. Боец посмотрел на землю. Это был боевой патрон, он начал скатываться под микроавтобус. Тимур резко поднял автомат. Но было поздно. Один из боевиков выстрелил в него. Во все стороны брызнула кровь. Сержант упал с пробитой головой. Мужчины открыли огонь по Вадиму и Сергею. Водитель микроавтобуса нажал на газ и тот сорвался с места. Сергей не успел опустить шлагбаум, он дернулся от попадания в него пули и упал на землю, но в ту же секунду выпустил очередь в ответ. Одному террористу пуля попала в ногу, а три остальные практически разорвали второго на части. Третий бандит выстрелил еще несколько раз, снова попав Сергею в грудь. «Микрик» газанул и помчался по дороге, миновав шлагбаум. Дергачев прижал руку к животу и охнул. Он с трудом поднялся, огляделся по сторонам, его товарищи лежала на земле без движения. Он, шатаясь, подошел к Амелину и пощупал пульс, но тот был мертв. Сергей тяжело вздохнул, посмотрел вслед уехавшему микроавтобусу — пыль ещё не осела и было видно, как тот скрылся за поворотом. Сергей резко сорвался с места и побежал по дороге. Пробежав метров сто, он рванул в сторону от дороги, скатился по склону и побежал наперерез автобусу, в том месте, где петляет серпантин. Он выбежал на дорогу в месте, где несколько секунд назад проехал микроавтобус и поставил предохранитель на стрельбу одиночными выстрелами. Дергачев тщательно прицелился и выстрелил в левую половину автобуса. Пуля пробила стекло, подголовник и попала водителю в затылок, забрызгав кровью лобовое стекло. Тот уткнулся лицом в руль. Микроавтобус занесло, и он упал со склона, несколько раз перевернувшись. Сергей подбежал к нему, держа наготове автомат. Было видно, что из автобуса выливался на землю бензин. Сергей услышал вскрик, он открыл переднюю дверь и увидел зажатую между сидением и кузовом девушку, она была вся в крови и без сознания. Он успел оттащить её от автобуса метров на двадцать, когда тот взорвался. Их накрыло взрывной волной вместе с землей и камнями. Они безвольно, как тряпичные куклы пролетели несколько метров, упали и потеряли сознание.

Облака и горы, величественно нависавшие над окрестностями, создавали контраст с тревожной сценой, разворачивавшейся внизу. Картинка, которую видел перед собой Сергей, словно вырванная из реальности, выглядела размыто, как если бы пьяный фотограф пытался

запечатлеть момент, но не смог совладать с камерой и потерял фокус. Глаза Сергея были открыты, но ресницы дрожали, они смотрели вверх и немного в сторону, потому что голова у него склонилась на плечо. Два бойца, крепкие и целеустремленные, несли его на носилках, с каждой минутой ощущая тяжесть не только физическую, но и эмоциональную. Сергей был весь в бинтах, которые на глазах окрашивались в ярко-красный цвет. Сергея загрузили в военную санитарную машину. Задняя дверь захлопнулась. Машина начала движение по горной дороге. Несколько человек в военной форме хмуро смотрели ей вслед.

— Не выживет. Две пули... в живот и в грудь. Больше литра крови потерял, — проговорил один из них.

Он был в каске и бронежилете. На шее висел пулемет с двумя, склеенными изолентой, магазинами. На плечах виднелись погоны прапорщика. После нападения на блокпост наряды усилили пулеметами и бронежилетами с касками.

— Не каркай, врачей дождался и слава Богу, — ответил ему лейтенант со снайперской винтовкой в руках

Прапорщик пожал плечами и пошел к шлагбауму.

Сергей был в сознании. Он тяжело дышал и из пробитой груди периодически вырывался хрип. Внутри автомобиля царила атмосфера напряжения. Время от времени врач, молодой человек, лет двадцати семи, прикладывал большой палец к запястью Сергея, пытаясь уловить слабый пульс. Пока ему это удавалось. Вдруг Сергей почувствовал сильную боль, застонал и потерял сознание, резко побледнев. Врач приложил стетоскоп к перевязанной груди чуть ниже левого соска. Несколько секунд он пытался уловить биение сердца.

— Черт, пульса нет, — пробормотал он, — сердце остановилось — клиническая смерть.

— Всё, он умер? — спросил санитар, совсем молодой парень, лет девятнадцати

Врач проигнорировал вопрос.

— Быстро готовь укол адреналина! — закричал он.

Санитар резво наполнил бесцветной жидкостью шприц с длинной иглой и передал его врачу. Тот резким движением вогнал иглу Сергею в грудь, делая прямой укол в сердце.

— Ух ты! Первый раз такое вижу, — восхитился санитар.

Фильм «Криминальное чтиво», где подобную операцию герой Джона Траволты делал героине Умы Турман, еще не вышел в прокат. В это время его ещё только снимали. И про Квентина Тарантино в России пока не слышали. Тем не менее сердце Сергея снова забилося. Врач улыбнулся и подмигнул санитару.

— Будет жить. Приятно, черт побери, вытаскивать людей с того света, чувствуешь себя маленьким богом, божком, — заявил он и засмеялся.

Санитар кивнул головой, но засмеяться не смог. Наоборот, спазм сдавил его горло, и он разрыдался.

— Ну что такое, Санёк? — удивленно спросил врач.

— Первый раз вижу, как человек умирает.

— Так ведь он живой.

— Всё равно страшно.

Врач приобнял парня.

— Ничего, со временем привыкнешь. А смерть — это часть жизни, как бы странно это не звучало. А мы должны постараться отсрочить её приход, подарить людям ещё немного времени. Это, как игра со смертью в «кошки-мышки».

Врач перевел взгляд на Сергея, чьё лицо постепенно обретало привычный оттенок, и подмигнул ему.

Г. Ставрополь. 4 часа спустя.

Здание областной больницы Ставрополя было построено в конце позапрошлого века и напоминала небольшую купеческую усадьбу. Собственно, когда-то оно именно им и было. Вокруг росло много плодовых деревьев, в основном инжир и шелковица. «Скорая» подъехала к приемному покою. Два санитары и доктор уже стояли на улице и ждали. Сергея быстро перегрузили на каталку и санитары покатали её дверям приемного покоя.

— По дороге остановилось сердце. Пришлось колоть адреналин, — доложил молодой врач бородатому хирургу средних лет.

— Молодец! Давление? — спросил бородач.

— Очень низкое. Последний раз мерил — девяносто на пятьдесят.

— Ясно. Дальше мы сами. Бывай!

Хирург быстро пошел ко входу в больницу, куда санитары уже повезли раненного. Врач проводил его взглядом, выдохнул и пошел назад к автомобилю — он знал, что сделал всё что мог. Гиппократ, чью клятву он дал всего пару лет назад, был бы им доволен.

Примерно через пять минут Сергея ввели в операционную. Началась новая фаза борьбы за жизнь.

Глава пятая. «Выживший»

Г. Ставрополь. 3 дня спустя.

Сергей открыл глаза. Первые несколько секунд он ничего не увидел, только что-то расплывчатое и невнятное. Он ощущал тяжесть в веках, словно они были сделаны из свинца, и слабый, отдаленный гул, который, как ему показалось, был звуком его собственного сердцебиения. Полная дезориентация. Где он? Постепенно, со скрежетом, который, казалось, происходил где-то глубоко внутри его черепа, фокус вернулся. Образы начали обретать резкость, обретать форму. Сначала это была белая потолочная плитка — знакомая, унылая, с желтоватым оттенком, с тенями от света, который лился из приоткрытого окна. Затем потолок смутно сменился чем — то более близким, более личным. Он увидел лицо. Оно было курносое и симпатичное. Светлые, почти платиновые волосы, аккуратно убранные под белую шапочку, обрамляли овал с тонкими, изящными чертами. Большие, внимательные глаза, казалось, состояли из чистого, насыщенного синего цвета, и смотрели на него с профессиональной, но, как показалось Сергею, искренней озабоченностью. На вид девушке было лет двадцать, может, чуть больше — возраст, когда юность еще не успела ожесточиться под грузом рутины и проблем. Она стояла у кровати Сергея. Ее белоснежный халат, безупречно отутюженный, создавал резкий контраст с серыми унылыми стенами. Девушка наклонилась, видимо, чтобы лучше рассмотреть его реакцию, и увидела, что Сергей пытается на неё смотреть. Его попытка была слабой, взгляд блуждал, словно маятник, потерявший свою центровку, но направление движения было очевидно. Она мягко улыбнулась, ее губы едва изогнулись, но в глазах читалось облегчение.

— Очнулся, герой, ну, слава Богу, — ее голос был тихим, мелодичным, лишенным натянутой бодрости, которую Сергей часто слышал от медицинского персонала. Это был голос, который успокаивал, как журчание горного ручья. Сергей попытался ответить. Из его горла вырвался лишь сухой, сиплый звук — нечто среднее между кашлем и стоном. Он почувствовал сухость во рту, словно его язык облепили песком. Девушка быстро среагировала. Она взяла стакан с водой, стоявшей на прикроватной тумбочке и поднесла к его рту.

— Пейте медленно. Не торопитесь, — попросила она.

Он послушно сделал крошечный глоток. Прохладная влага была невероятным облегчением. Он сделал еще один, потом еще один, пока ощущение инородного кома в горле не отступило.

— Где я? — с трудом ворочая языком, спросил Сергей.

— Как где? В раю конечно, а я ангел.

— Похожа. Сколько я был без сознания?

— Трое суток с хвостиком. Из вас две пули достали. Это не считая контузии.

— Как тебя зовут, ангел?

— Алина. Вы находитесь в областной больнице. Не волнуйтесь, все под контролем.

«Под контролем». Эта фраза прозвучала в голове Сергея как нечто совершенно абстрактное. Он попытался пошевелить конечностями. Левая рука двигалась нормально, но правая... правая была словно чужая. Он поднял ее с усилием, пальцы слабо пошевелились. Сергей скосил взгляд вниз, ноги были на месте, и он смог ими пошевелить. «Вроде ничего не оттяпали» — с облегчением подумал он.

— Извини... Очень хочется в туалет. Помогите мне, пожалуйста, встать.

— Встать?! — девушка рассмеялась, — Никак нет. Боюсь, что в ближайшую неделю ходить тебе придётся только в кровати.

— О, боже! — застонал больной.

Она перестала смеяться и отошла в сторону. Сергей попытался подняться, но с первой попытки у него ничего не вышло.

— Лежи, лежи, — Алина снова подошла к кровати и откинула одеяло. Улыбнувшись ослепительной белозубой улыбкой, она положила ему утку.

— Герои не должны стесняться, — пояснила она. — Тем более, я же ангел. Чего меня стесняться?

Ульяновская область. Село «Завидное». В тот же день.

Конюшня, пропахшая тёплой смесью сена, лошадиного пота и кожи, всегда была для Владимира Дергачева тихой гаванью. Его руки, грубые от многолетнего труда, нежно поглаживали шелковистую морду Бурана, на котором так любил скакать Сергей. Солнечный луч, пробившийся сквозь высокое узкое окно, подсвечивал золотистую пыль, танцующую в воздухе. Владимир осматривал лошадей, делал стандартный ветеринарный обход. Внезапно тишину нарушили шаги. Не уверенная поступь, а нечто тяжелое, сбитое. В проёме двери появился Андрей, он сегодня хромал сильнее обычного, и это сразу привлекло внимание Владимира. Тот подошел к отцу, не глядя на животных. Его лицо, обычно открытое и прямое, было искажено странной смесью облегчения и ужаса.

— Бать, звонил командир, — тихо произнес Андрей.

— Какой командир? — не понял Владимир.

— Серегин командир.

Отец сразу всё понял. Он вздрогнул и побледнел.

— Жив?!

— Да. Но ранен. Он в больнице.

— Я ведь знал, что так и будет! Насколько всё серьезно?

— Сказано, что его жизни ничего не угрожает.

Отец выбежал из конюшни. Андрей пошел за ним.

Г. Ставрополь. 21 год назад.

Уже на следующий день к больнице подъехал автомобиль Андрея. Одновременно открылись передние двери, и оттуда вышли Андрей и Владимир. Они достали из багажника две сумки, заполненные продуктами, и пошли ко входу. Вход в больницу представлял собой широкий гранитный портик, увенчанный советской эмблемой и табличкой, гласившей о том, какого профиля заведение. Они прошли через стеклянные двери, и оказались в тесном вестибюле. Здесь воздух был иным: смесь хлорки, слабых лекарственных запахов и того специфического, тревожного ожидания, которое никогда не покидает больничные коридоры. Регистратура была занята одинокой дамой средних лет, которая подняла глаза поверх очков, и ее лицо мгновенно приняло выражение профессиональной отстраненности, смешанной с легким испугом. Узнав, где находится Сергей, отец и сын направились к лестнице.

Через пять минут они стояли у его кровати в реанимационной палате. Брат выкладывал из сумок на тумбочку фрукты. Отец наклонился и поцеловал сына.

— Ну как ты, сынок? — тихо спросил он.

— Я прекрасно, — бодро ответил Сергей. — кое-кто тут, правда, говорил, что я неделю не встану. А я уже могу, трое суток не прошло. Врач, правда, не разрешает.

— Ну, если не разрешает, то не надо. Ты же пока еще в реанимации.

— Но я же могу. И голова уже совсем не кружится. А в палату обещали перевести уже завтра.

— Андрей ну скажи ему, что врача надо слушаться.

— Да. Врача слушайся! Как меня! — Андрей подошел к кровати и тоже поцеловал Сергея.

— Я стараюсь. Но я точно знаю, движение — это жизнь, — упрямо возразил Сергей.

— Если у тебя контузия, лежать надо, как минимум неделю. Поверь мне. Уж я-то знаю, — ответил Андрей, — а две пули в теле, это тебе не комар укусил.

Открылась дверь и в палату вошла Алина. Воздух, до этого плотный от тяжелого больничного запаха антисептика и лекарств, словно дрогнул от её появления. В руках у неё был стальной медицинский лоток, отливающий холодным блеском в тусклом свете люминесцентных ламп. На лотке, аккуратно разложенные среди ватных шариков и ампул, угрожающе поблескивали шприцы. Сергей, увидев её, улыбнулся. Владимир и Андрей синхронно повернули головы. Алина тоже улыбнулась.

— Здравствуйте, — сказала она и остановилась.

— Здравствуйте, — ответил Андрей.

— Привет, — поздоровался Владимир, — проходите, не стесняйтесь, — сказал он с легкой хрипотцой в голосе.

Алина сделала шаг вперед, лоток в её руках едва заметно звякнул. Она перевела взгляд с Владимира на Сергея, и её лицо мгновенно стало серьезным, профессиональным. Вся прежняя мягкость исчезла, уступив место сосредоточенности человека, выполняющего долг.

— Мужчины, я прошу прощения, не хочу прерывать ваше общение, — начала она, и в этом извинении не было ни капли искреннего сожаления, лишь знак уважения к личному пространству, которое в больнице часто насильно нарушалось. — Но больному необходим укольчик.

Слово «укольчик» прозвучало почти ласково, но в сочетании с «необходим» оно приобрело железобетонную убедительность.

— Да-да, конечно, — отец сделал два шага назад, утянув Андрея за собой.

Сергей перевернулся на живот и приспустил пижамные штаны. Алина слегка хлопнула его по ягодице и быстро поставила укол. Она, не торопясь, протерла место укола ваткой со спиртом.

— Ну вот, совсем не больно. Как комарик укусил, — она опять улыбнулась.

— О, я смотрю, тут за тобой неплохо ухаживают, — сказал Андрей.

— Это Алина, мой ангел.

— Красивый ангел, — отец посмотрел пристально на Алину.

— Мужчины, прекращайте меня смущать!

Алина положила шприц на лоток. Потом она быстро вышла из палаты. Мужчины синхронно улыбнулись, смотря ей вслед.

— Чувствую, ты быстро пойдешь на поправку, — сделал вывод Владимир.

— Это точно, — подтвердил Андрей.

— Мужчины, прекращайте меня смущать! — засмеялся Сергей.

Алина прошла по длинному белому коридору и зашла в женскую палату.

— Ну подумаешь, укол — укололся и пошёл, — сказала Алина и подошла к кровати, — снимай штаны — знакомиться будем.

Лежащая черноволосая худенькая девушка улыбнулась, отложила книгу, которую она читала, легла на живот и спустила пижамные штаны, они скользнули вниз по стройным бедрам, обнажая тонкую, почти прозрачную кожу с еле заметными голубыми прожилками. Алина достала шприц, блеснула металлом игла. Струйка жидкости брызнула вверх, заиграв на солнце причудливыми бисеринками. Девушка, несмотря на слабость, инстинктивно напряглась, но не двинулась. Резкий, но быстрый укол. Брюнетка вздрогнула, едва заметно. Медсестра быстро извлекла иглу и тут же протерла место укола ватным тампоном. Девушка, словно не веря, что

самое страшное позади, быстро натянула пижамные штаны обратно, с усилием перевернувшись на спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.